

Замараева Е. И.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СВЕТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. С. ТРУБЕЦКОГО

Замараева Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: zamaraeva_e@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые философские аспекты русской литературы в трудах известного филолога и мыслителя Н. С. Трубецкого, организатора и идеолога евразийской доктрины. Анализируются этические, идеологические, религиозные проблемы литературы в свете евразийской концепции.

Abstract: This article discusses some of the philosophical aspects of Russian literature in the works of well-known scholar and thinker N.S. Trubetsky, who was the organizer and ideologist of the Eurasian doctrine. Analyzes the ethical, ideological, religious problems of Russian literature in the light of the Eurasian concept.

Ключевые слова: евразийская концепция; древнерусская литература; самобытность; Достоевский; этические проблемы.

Keywords: Eurasian concept; Old Russian literature; identity; Dostoevsky; ethical issues.

Пересмотр основных идеологических и ценностных ориентиров и поиск новых парадигм развития, происходящий последние годы в России, обращает нас к философскому наследию мыслителей начала XX века, и прежде всего к учению евразийства — одного из наиболее значимых течений русской общественной и политико-философской мысли этого периода.

Главным идеологом и организатором евразийского движения был Н. С. Трубецкой, блестящий филолог, культуролог и оригинальный мыслитель. Еще в 1920 году в книге «Европа и человечество» он подвергает резкой критике романо-германский культурный шовинизм, который прячется под маской понятия «общечеловеческая цивилизация», призывает избавиться от иллюзий понятия «общечеловеческая цивилизация» и выдвигает идею самоценности каждой национальной культуры как живого и развивающегося явления, ибо подлинная культура всегда уникальна и самобытна.

В русле евразийской концепции Н. С. Трубецкой анализирует и философские проблемы русской литературы, которые были рас-

смотрены мыслителем в цикле его литературоведческих работ. В 1923 году Н.С. Трубецкой становится профессором славянской филологии Венского университета и читает курс истории русской литературы. И хотя взгляды на русскую литературу с тех пор значительно изменились, работы Н.С. Трубецкого до сих пор сохраняют свою актуальность, так как общая философская установка автора напрямую связывает литературный процесс с тем, что евразийцы называли «месторазвитием» и со спецификой русского цивилизационного самосознания.

По Н.С. Трубецкому, все значительные цивилизации были устроены таким образом, что представляли собой единую гармоничную систему, компоненты которой находятся в тесной взаимосвязи. Такой же синкретизм наблюдался и в Византии: философия, наука и религия были связаны неразрывно. «Все области знания, как естественного, так и гуманитарного, рассматривались как средство не только расширения духовного кругозора, но и моралистического поучения в духе веры и связанной с ней религиозной философии» [2, с. 546]. Определяя сущность византийской цивилизации, Н.С. Трубецкой отмечает две ее онтологические особенности, которые отличают восточное и западное христианство. На Востоке большую значимость имело Воскресение Христово, поэтому восточное христианство проникнуто радостным настроением. Но это не жизнерадостная беззаботность язычества, а сверхчувственная уверенность в преображении самой жизни, надежда на обещанное Воскресение и восхождение к нему. Другая особенность восточного христианства — отказ Церкви от светской власти и единение верующих только религиозным путём благодаря литургии, которая стала важнейшим средством достижения внутрицерковной дисциплины, что стало стержнем Православия. Поэтому в высших и низших слоях населения не возникало разногласий по религиозным вопросам. Следствием этого стала особая связь Православия с народом, что отразилось в языке богослужения, это был особый язык, не повседневный, но в то же время всем понятный. Эта отличительная черта особенно проявилась в России. «Православная Церковь стала в России Церковью национальной, и её связь с национальной структурой была настолько тесной, что во мнении народа понятия «русский» и «православный» совпали» [2, с. 550].

Искусство, отмечает учёный, было тесно связано с богослужением, и именно церковное искусство определяло философскую суть эстетической культуры. Христианизация Руси, по мысли Н.С. Трубецкого, положила начало тому, что события начали запи-

сываться год за годом, так создавались «летописные своды». Летопись Сильвестра, игумена Выдубецкого монастыря, созданная примерно в 1116 году, стала отправной точкой. Отличительная особенность древнерусских летописей — это чередование заметок и повествований, которую ученый сравнивает с «медальонной живописью» и считает её удивительно удачной и целесообразной, так как она вытекает из сущности материала: ведь история не имеет ни начала, ни конца, и вступление к летописи (рассказ о Ное и его сыновьях) лишь связывает русскую историю с бесконечным прошлым. У летописи также нет конца: ведь любой составитель понимал, что его труд будет продолжен кем-то в будущем. Идеологическая составляющая летописей достаточно проста — это поучение в духе христианского наставления: преступления и несправедливости порицаются, добродетели восхваляются. Несчастливые события трактуются как кара Божия за грехи, а Единая Русь, свободная от княжеских распрей, представляется летописцу идеалом.

Анализируя выдающийся памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», Н.С. Трубецкой отмечает не только обилие ярких выразительных средств, но и философско-идеологическую основу произведения. Природа, вписанная как действующее лицо в события, — излюбленный метафизический приём повествователя. Особую роль играют вопросы и восклицания: ими или вводятся, или заканчиваются фрагменты, и это придаёт произведению «мелодическую подвижность» и «ярко выраженный патетический характер» [2, с. 576]. Перед нами, по мнению учёного, произведение княжеской придворной поэзии, которому свойственны особая философская утончённость, риторичность, полная намёков и эффектной неоднозначности, фрагментарность построения.

Особое внимание Н.С. Трубецкой уделяет «Описанию путешествий», которые он делит на «Паломничества» и «Светские путевые заметки». Паломничество для христианина — это один из способов отойти от мирской жизни, ощутить особые интенсивные религиозно-экстатические переживания, так как во время длительного путешествия человек в онтологическом смысле пребывает вне времени и пространства, находясь в непривычной обстановке. Он острее замечает в реальной действительности «сверхчувственное-небесное», так как находится в особом душевном состоянии, и то нравственное просветление, которое он переживает во время путешествия, и есть цель паломничества.

Первое и самое знаменитое из описаний такого рода — это «Хождение игумена Даниила», во многом определившее философскую направленность других таких же паломничеств. В пред-

словии Даниил так определяет цель своего труда: описать всё, что он видел, и главное — дать возможность людям, которые не могут предпринять такое путешествие, пережить все те чувства, которые он пережил на Святой земле. Этими целями определяются многие особенности «Хождения», в частности отсутствие каких-либо сведений, связанных с личностью автора. В произведении всё перемешано: личные впечатления, измерительные данные, библейские легенды, справки, пояснения. Этот выбор формы повествования вытекает из самой цели — погрузить читателя в особый мир, где повсюду святых. Н.С. Трубецкой отмечает две особенности: полное отсутствие данных о политической ситуации в Палестине и описания обычной жизни и постоянные мысли о Руси, что определено целью повествования: Палестина интересна для паломника только тем, что она — Святая земля, всё остальное несущественно. Мысли же и молитвы о Родине создают особую духовную связь между автором и его русскими читателями.

К паломническим примыкают и простые описания путешествий, чаще всего служебного характера. Особый интерес представляет «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, памятник XV века, в котором внутренний мир православного человека приходит в противоречие с миром внешним, враждебным христиану, и это усиливает религиозные чувства героя. Анализ лексики произведения приводит Трубецкого к выводу, что оно написано на разговорном языке Москвы XV века с незначительными вкраплениями церковнославянского языка. Отличительной же чертой являются многочисленные фразы на арабском, персидском и татарском языках, данные в русской фонетической транскрипции. Причём в некоторых местах автор сознательно не даёт перевода, то есть не хочет быть понятым читателями. Н.С. Трубецкой предполагает, что причин для этого две: первая — внешняя, стилистическая, придающая некий восточный колорит и таинственность всему произведению; вторая — внутренняя, то есть потребность высказаться, но сохранить в тайне некоторые данные. Это и коммерческие тайны, и сведения автобиографического характера, позорные для автора, и молитвы. Что особенно интересно, некоторые молитвы даны на арабском или татарском языках, что позволяет предположить особое религиозное целомудрие автора, который хотел держать их втайне от читателя.

Анализируя этико-философские аспекты произведения, учёный пишет об особом религиозном чувстве, переживаемом героем, который чувствует себя одиноким в нехристианском окружении, при этом достаточно хорошо знает и понимает окружаю-

щий его мир, чтобы презирать или ненавидеть его. Это чужой мир, но это религиозный мир, который тоже достоин уважения. Принять его герой не может, но ни презрения, ни насмешки над другой культурой и верой мы не ощущаем, наоборот, подчеркивается формальный параллелизм религиозных миров, постов и праздников. Твёрдость того, как люди чтут законы и веру, вызывает уважение, но не вызывает желаний принять чужую веру и культуру.

Особое место в древнерусской литературе занимает агиографическая литература, перед автором которой, как известно, стоят три задачи: биографическая, дидактическая и панегирическая. Древнейшее из дошедших до нас — житие Феодосия Печерского, составленное печерским монахом Нестором (конец XI века), которое является подлинным шедевром. Произведение очень пластично; многие персонажи выступают как конкретные живые люди, наделённые человеческими чертами; дидактический и биографический элементы тесно переплетаются между собой. Особый интерес представляет житие святого Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Изображённый в нем святой — это не конкретный, живой человек, сын своего времени и своего народа, а метафизический образ христианского подвижника, лишенный черт реального человека. В житии совершенно исключён эмоционально-личностный элемент, автор маскирует себя условной формой произведения и традиционной техникой изображения, в которой всё «нереалистично и орнаментально».

Особняком в литературе своей эпохи стоит уникальный и поистине самобытный памятник XVII века «Житие протопopa Аввакума», автобиография одного из руководителей церковного раскола. Как и в традиционном житии, рассказ о биографических событиях прерывается описанием чудес и видений, лирическими отступлениями и дидактическими рассуждениями, и кажется, что автор ставил перед собой задачу написать поучительное чтение. Но если традиционное житие должно укрепить дух и веру религиозного читателя в борьбе с собственными грехами, то «Житие» Аввакума должно настроить читателя на борьбу с врагами внешними, с гонителями веры истинной. Поэтому автор даёт не безликий и бесплотный идеальный образ святого, а рисует самого обычного человека, грешного, земного, который преодолевает все искушения и муки, проявляя необыкновенную стойкость и преданность вере и призывая своих читателей поступать так же.

Различием философских задач объясняется и различие форм повествования. Традиционное житие стилизует действительность, убирая всё конкретное и реальное, получается своего рода «сло-

весная икона»; в «Житии» Аввакума, напротив, всё материальное и земное приобретает особое иконописное значение. Особый онтологический реализм жизнеописанию придаёт повествование от первого лица и его лексика: удивительная смесь церковнославянского и живого русского языка той эпохи, порой грубоватого, даже непристойного, который сам Аввакум называет «подлым мужицким». Стилистическое разделение очевидно: всё, что касается церкви, Священного Писания, чудес и видений — на церковнославянском; а само повествование, все жизненные детали — на русском. Яркая особенность этого уникального памятника — ярко выраженный национальный характер. Если в традиционной агиографической литературе герои находятся в условной действительности, где стёрты географические и исторические реалии, то «Житие протопопа Аввакума» изображает конкретную Россию XVII века. «Её и её народ Аввакум любит горячей любовью, но не потому, что это его страна и его народ, а потому, что он рассматривает Россию и русских как носителей истинной веры» [2, с. 615].

С евразийских позиций оценивает Н.С. Трубецкой и философию творчества Ф.М. Достоевского, заявляя, что философия великого писателя тесно связана и с историей европейской мысли, и с историей русской философии. При этом исследователь четко разграничивает Достоевского-философа, публициста и Достоевского-писателя, художника. Очевидно, по мысли Трубецкого, что нельзя исследовать мировоззрение Достоевского по его литературным произведениям, так как взгляды его литературных героев не являются его собственными. «В философско-публицистических статьях и идеологических письмах центр тяжести лежит в поучении и пропаганде. В них мировоззрение является самоцелью — это система взглядов, которых Достоевский твердо придерживается, которые составляют его глубокое убеждение и которые он хочет передать своему читателю. В литературных же произведениях мировоззрение служит только для характеристики действующих лиц» [5, с. 624].

По мнению Трубецкого, Достоевский — «не тенденциозный писатель», он не стремился в своих литературных произведениях пропагандировать свои философские взгляды, доказывать и поучать. Его задача — ярче раскрыть внутренний мир своих героев, углубить в них человеческое. Именно этим объясняется эпистолярная форма первого известного произведения Достоевского «Бедные люди». Писатель смотрит на мир глазами своего героя, Макара Деушкина. «Из объекта изображения Достоевский превращает его в субъект, т.е. делает его мыслителем и автором»

[6, с. 638]. Писателю удалось совершенно скрыть свое собственное «я» и нарисовать жизнь маленького человека не издали, а в непосредственной близости. Этот прием изображения героя «не снаружи, а изнутри» — отличительная особенность метода Достоевского, которая делает его героев такими психологически убедительными, потому что внутренняя жизнь человека — это сложный комплекс разнообразных и противоречивых мыслей и чувств, это философия страдающей личности. Огромный успех романа объясняется не только соединением сентиментальной и натуралистической традиций, но и проникновением в философию сознания бедного человека, его душевную жизнь.

Философия сознания и подсознания — одна из важнейших в творчестве Достоевского. Бесспорным достижением, по мнению Трубецкого, является изображение двойственной жизни героев: в одном герое соединяется философия страдающей, ущербной личности и философия дерзующей личности, способной на бунт. Впервые мы видим эту особенность в его раннем произведении «Двойник», герой которого ведет постоянную внутреннюю борьбу с самим собой, со своим комплексом неполноценности. С одной стороны, это застенчивый, скромный человек, а с другой, ему очень хочется быть самоуверенным, независимым и смелым. Внутренняя раздвоенность получает внешнее выражение, когда герою кажется, что встречает своего двойника. «Техника описания в непосредственной близости» достигает здесь совершенства. «Внутреннее раздвоение, борьба против собственного комплекса неполноценности, воплощение одной из сторон душевной жизни в виде искаженного изображения своей личности» [6, с. 646].

Философская проблема соотношения формы и содержания определила еще одну особенность творческого метода Достоевского: пренебрежение изображением внешности героев и перенос внимания с внешнего на внутреннее. Писатель практически никогда не рисует внешность своих героев, но тщательнейшим образом выписывает все нюансы внутренних переживаний. Метод наблюдения в непосредственной близости, проникновение внутрь изображаемого лица логически ведет к полному исключению и авторской точки зрения.

Философия сознания преступника, аксиологические и религиозные проблемы исследует Достоевский в «Записках из Мертвого дома», подробно изображая внутреннюю жизнь каторжников. Писатель стремится доказать, что и самый низкий, всеми презираемый, порочный человек может иметь благородные чувства и достоин сожаления. «Подлости и низости, совершаемые человеком,

большей частью лишь последствия социальных условий, ... подлец лишь жертва своей социальной среды» [7, с. 650].

В «Записках из подполья» (1864 г.) Достоевский, по мнению Трубецкого, впервые «пользуется идеологией как средством для характеристики действующего лица» [4, С. 695]. В публицистических работах того времени Достоевский часто писал о том, что русские интеллигенты, стремящиеся жить по принципам рационализма, только «мечтают и болтают», они желчны, озлоблены и безмерно самолюбивы, но не способны действовать. Сам Достоевский не раз подчеркивал, что не разум, а лишь полное самопожертвование могут сделать человека счастливым, а основа всякой морали и здорового социального устройства — это чувство жалости. Герой «Записок из подполья» и представляет собой подобного рационалиста, идеи которого доведены до предела. «Записки из подполья» — это автохарактеристика главного героя, у которого нет даже имени, при этом философия его весьма оригинальна: в каждом человеке, как он считает, существует врожденное стремление к хаосу и разрушению, поэтому мыслящий человек, желающий жить независимо, должен отгородиться от внешнего мира, презирать и ненавидеть все и при этом наслаждаться своим страданием. Личность главного героя — это удивительное сочетание безмерного самолюбия и чудовищного комплекса неполноценности. Он презирает людей, но в то же время страстно желает признания и оценки. Вся философия и идеология произведения тесно переплетаются с психологией главного героя и создают впечатление «чего-то отталкивающего, безнадежного, безобразного и унылого» [4, с. 690].

Отчасти идеологическим, по мнению Н.С. Трубецкого, можно считать и «Игрока», т. к. одна из задач произведения — иллюстрировать некоторые взгляды самого Достоевского на европоцентристские позиции образованного русского общества. Трубецкой отмечает, что впервые критика европейской цивилизации ярко отражена в «Зимних заметках о летних впечатлениях», в которых Достоевский призывает к пробуждению русского самосознания, уходу от рабского подражания и безоговорочного восхищения Европой.

Главный герой «Игрока» также говорит о том, как недостойно и подобострастно ведут себя перед европейцами русские из высшего общества, и генерал является ярким представителем подобного типа, несмотря на свои реакционные взгляды. Полной противоположностью ему является старая тетка генерала, которой ни Европа, ни европейцы не импонируют, она ведет себя достойно, не стремясь выглядеть по-европейски, гордо демонстрируя свою «русскость».

В полной мере философским, или идеологическим, как считает Трубецкой, можно назвать роман «Преступление и наказание», в котором представлены два центральных мировоззрения. Воплощением одного является, как известно, Родион Раскольников, который делит людей на два неравных класса: «властители», «вожди», свободные от всяких нравственных предписаний, норм морали, которым разрешено даже преступление, и обыкновенных людей, исторический материал. Философская проблема свободы воли и восстание человека — метафизическое, моральное, социальное — вот ключевые аспекты философии Раскольникова, оригинальность которой для 60-х годов, когда еще не было Ницше, невозможно отрицать. Этой философии противопоставлено христианское учение, носителем которого в романе является Соня Мармеладова. Все люди для нее имеют одинаковую ценность, грех остается грехом, а личное счастье нельзя ставить целью. Нужно думать не о себе, а о других, не властвовать над людьми, а жертвенно служить им. «Утешение в земных страданиях и силу нести их человек находит только в вере в Бога, в уповании на Него, в любви к Богу и людям» [3, с. 706].

Отмечая особенности философии творчества Достоевского, Трубецкой отмечает, что авторские идеологические установки абсолютно скрыты в романе, мировоззрение главного героя совершенно не совпадает с авторским. Собственные мысли Достоевского о социализме и рационализме высказываются Разумихиным, а религиозные и моральные — Соней, героями, которые стоят гораздо ниже Раскольникова интеллектуально, что «очень характерно для Достоевского и лишает его романы всякой тенденциозности. Так как в них идеология является лишь одной из органических составных частей индивидуальности действующего лица» [3, с. 709]. По мнению Трубецкого, «Преступление и наказание» Достоевского ставит серьезные философские и этические проблемы, не давая при этом ответов, но пробуждая мысль читателя, что в соединении с захватывающей фабулой оказывает необычайно сильное и глубокое впечатление.

Отсутствие тенденциозности, полное равноправие выведенных идеологий, по мнению Трубецкого, мы видим и в романе «Бесы», который сам Достоевский рассматривал как памфлет против философии нигилизма и либерализма с «поверхностным скептицизмом в религиозно-нравственных вопросах, презрением ко всему исконно русскому и народному, просвещенным космополитизмом, сентиментальным восхищением перед европейской культурой» [3, с. 722]. Кармазинов и Степан Трофимович Верховенский

отражают два типа подобных либералов. Одни совершенно далеки от реальной жизни и гибнут от нигилистов, которых сами же и породили. И в этом, по Достоевскому, весь трагизм конфликта «отцов и детей». Другие же, как Кармазинов, трусливы и пытаются приспособиться к нигилистам.

По мнению Трубецкого, дальнейшим развитием либерализма является философия нигилизма. Анализируя философию сознания нарождающегося в России нового поколения людей, Достоевский выводит в своем романе подобные типажи, и символом революционера-нигилиста с философией вождя, доведенной до предела, выступает Петр Верховенский, зловещая комбинация Нечаева и Петрашевского. Революционное мышление Верховенского — это сочетание стремления к разрушению всех моральных, религиозных, социальных основ жизни, мечта о всемирном господстве, преклонение перед сверхчеловеком и полное презрение к людям, которые используются лишь как орудие для достижения своих целей. При этом даже каторжник Федька, обыкновенный преступник, выступает антиподом Петру Верховенскому, так как вполне осознает свою греховность и не дает обратить себя в атеизм. Трубецкой с евразийских позиций подчеркивает важнейший этико-философский тезис Достоевского: пока из совести народа не исчезнут мораль и религия, революция в России будет невозможна. Парадоксальные позиции представлены в этом смысле двумя героями: Шатовым и Кирилловым. Шатов отошел от нигилизма, стал славянофилом и признает «существование особого русского национально-религиозного идеала». Но трагедия его заключается в неспособности верить в Бога и страстной потребности в этом: он приходит к вере разумом, но не сердцем.

Кириллов же идет путем отрицания Бога. Уничтожить Бога — значит уничтожить страх смерти, следовательно, абсолютно свободен тот, кому все равно — жить или умереть. Поэтому сознательное самоубийство — это абсолютная свобода, равенство с Богом. При этом внутренняя глубокая религиозность Кириллова, его любовь к людям вступают в противоречие с его мрачной философией, и в этом метафизический трагизм этого героя: в сердце Бог и любовь к людям, но разум это отвергает.

Философия сознания, философия творчества, этические и религиозные аспекты творчества Ф.М. Достоевского, рассмотренные Н.С. Трубецким, подчеркивают не только всемирную значимость произведений великого писателя, но и безусловную актуальность его гениальных провидческих романов для России XX–XXI веков.

Таким образом, философские проблемы русской литературы, анализируемые Н.С. Трубецким в свете евразийской концепции, подчеркивают самобытность нашей культуры, что особенно важно для формирования национального самопознания и самосознания. Как отмечает известный исследователь евразийства С. Ключников, евразийцы «наместили пути, открывающие в известном предмете новые, доселе неизвестные грани, и позволяющие подойти к евразийскому измерению русской литературы» [1, с. 58]. Евразийские идеи сегодня активно используются современными историками, культурологами, философами, так как в них заложено стремление России сохранить свою идентичность, свою систему ценностей, уберечь себя и своих детей от гуманитарной интервенции, отстаивать право самостоятельно определять собственную судьбу и строить будущее.

Литература

1. Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. — М.: Беловодье, 1997. 525 с.
2. Трубецкой Н.С. Лекции по древнерусской литературе // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
3. Трубецкой Н.С. О двух романах Достоевского // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
4. Трубецкой Н.С. О «Записках из подполья» и «Игроке» // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
5. Трубецкой Н.С. О методах изучения Достоевского // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
6. Трубецкой Н.С. Ранний Достоевский // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
7. Трубецкой Н.С. Творчество Достоевского перед каторгой // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.